

Глава 1

АЛЕКСИС

Кончиками пальцев я легонько погладила кожу прелестных дизайнерских сумочек и с тоской покосилась на ряды полок для обуви, выстроившихся у дальней стены. Чего бы я только не отдала за несколько сотен баксов, которые могла бы бездумно потратить на всякие милые аксессуары.

Медленно обходя блестящую вращающуюся стойку, с которой спутанными гроздьями свисали последние новинки, я шмыгнула носом. Чего бы я только не отдала за несколько сотен. Точка.

Постой-ка. Это же...

У меня перехватило дыхание, и я просто оцепенела. Там, из-под тисненой кожи и моднющих, как это ни смешно, кисточек, выглядывала настоящая царица всех сумочек!

Я нервно облизнулась и придвинулась ближе, развернувшись так, чтобы никто из этих лахудр, любителейниц распродаж, бродящих по просторному магазину, не увидел, что я нашла. Мои ловкие жадные пальцы проворно отодвинули товар поскромнее и сомкнулись на притаившейся в дебрях драгоценной добыче.

«Берберри».

И не просто «Берберри». Тоут. Среднего размера. С пряжкой. Розовый!

Я засматривалась на эту сумочку еще в прошлом сезоне в «Нордстроме», мечтая о том, чтобы у меня были хоть какие-нибудь, какие угодно средства, чтобы однажды (когда все мои многочисленные счета будут оплачены, а в холодильнике заведется еда) позволить себе такую дорогущую, но умопомрачительно стильную покупку!

Закрою глаза — и вижу, как горделиво шагаю по улице с этой красавицей на сгибе локтя, покачивая плечами в такт с моей сумочкой. Возможно, я заодно покачивала бы и бедрами. Я бы держала голову высоко и шагала широко, а не семеняла, огибая важных особ, занимающих собой все окрестное пространство. Почему? Да потому что сама была бы важной особой. И другие огибали бы *меня*.

Трясущимися руками я сняла с крючка мягкий кожаный ремешок, отодвинув другие (не столь интересные, хотя и по-прежнему слишком дорогие для меня) сумочки, и прошептала:

— О Боже.

Я, Алексис Прайс, держу тоут «Берберри» среднего размера с пряжкой... розовый.

Я повесила эту роскошную вещь на плечо и — со стеснением в груди — позволила себе представить другую жизнь: приветливо кивающих коллег, уступающих мне дорогу не-магов — и шикарный новый стиль, включающий не только сумочку, но и обувь моего размера без дырок.

— Это «Берберри»? — сдавленно выдохнул кто-то за моей спиной.

Мертвой хваткой вцепившись в ремешок, я резко развернулась, готовая сразиться с врагом.

— Да, — ответила я, подобравшись.

Грех и шоколад

Плосколицая женщина с широким приплюснутым носом прищурила жадные, чересчур сильно накрашенные глаза.

Да, в день поставки «Берберри» крайне редко удавалось избежать первого натиска яростных посетительниц этого магазина, одержимых идеей приобрести перво-классную модную вещь по сниженным ценам.

— Мило, не правда ли? — с показным безразличием проговорила я; собрав всю свою смелость, поправила ремешок на плече и, придерживая добычу, двинулась в обход соперницы. — Пойду прогуляю ее. Посмотрю, подходит ли она мне.

Я сразу взяла высокий темп, довольно развязно двигая верхней частью тела в надежде отвлечь женщину от потрепанных туфель, болезненно обжимающих мои ноги. Белая рубашка и немного мятые брюки цвета хаки меня не беспокоили: они были чистыми, без пятен, и я сомневалась, что тетка поймет, что на самом деле это униформа. Плосколицая имела все основания полагать, что я на самом деле могу сейчас унести эту фантастическую сумку домой.

Огибая стеллаж с одеждой, я чувствовала ее взгляд, сверлящий мне спину. У грузной женщины, стоящей в конце ряда, собранные в хвост волосы были подвязаны знакомой зеленой лентой, на которой, как я знала, было написано «Горжусь тем, что я чешир». Чешир — довольно униженное прозвище для не-магов. Женщина скользнула по мне взглядом, потом посмотрела внимательнее, отыскивая признаки *инакости* (то бишь магии). Крылья, когти, способность отращивать шерсть и клыки...

К сожалению, ничем таким я не обладала.

Это дало бы мне статус в магическом сообществе. Статус — то, чем я никогда не обладала. На данный момент у меня имелись лишь потрясающая сумочка и во-

истину скверный характер. Что ж, всегда приходится работать с тем, что есть.

Я уставилась в чужие прищуренные глаза, безмолвно давая понять, что со мной шутки плохи. Страх — сильное средство, удерживающее от нехороших поступков по отношению к кому-либо, хотя, если речь идет конкретно обо мне, этой особе бояться нечего.

Скверный характер плюс лгунья. Ну, бывает и хуже.

Решительный взгляд сработал — женщина напрыглась, дернула головой, уже собираясь снова заняться осмотром полок, но тут она заметила висящий у меня на плече раритет.

В ее мутно-карих гляделках полыхнул голод, и танкоподобное тело развернулось ко мне.

Страх, как правило, удерживает от нехороших поступков, но только не засекших «Берберри» посетительниц этого магазина, дешевле которого не найти — из-за его местоположения в зоне двойного сообщества.

Бабища пристально уставилась на меня, ощупывая взглядом каждый дюйм моего тела. Задержалась на туфлях, потом переключила внимание на крошечную холщовую... ну, такую торбу, служившую мне кошельком, висящую поверх моей дешевой хлопчатобумажной рубахи. И я вдруг поняла, что отсутствия пятен на одежде недостаточно.

В глазах женщины вспыхнуло возбуждение:

— Ты не можешь позволить себе эту сумку, — обличительно прошипела она.

Костяшки моих пальцев, сжимающих ремешок сумочки, побелели. Подбородок я задираю так напряженно, что аж вспотела. Хоть мы и находились в зоне двойного сообщества — нечто вроде Дикого Запада Сан-Франциско — здесь, в магазине, работали только не-маги. Если эта овца поднимет шумиху, не-магические управленцы проверят мои документы, установят лич-

Грех и шоколад

ность — и увидят, что в магическом сообществе я не обладаю абсолютно никаким статусом. Тогда они, как пить дать, с полным правом откажут мне в обслуживании и вышвырнут меня вон, чтобы угодить клиентам. Так и будет — знаю по личному горькому опыту.

Да только это меня не остановит.

— А вот и могу, — соврала я, высокомерно проходя мимо нее. — На это уйдет все мое наследство, но я *могу*. Только вот думаю, *стоит* ли.

— Я первая ее увидела! — взвизгнула та женщина с плоским лицом, которая, последовав за мной, уже обогнула стойки с одеждой. Еще три покупательницы с любопытством оглянулись на нас. А маячивший на заднем плане мужчина мудро решил не лезть не в свое дело. — Я ее уже застолбила!

Мисс «Горжусь тем, что я чешир» нахмурилась и стиснула зубы:

— Что-то я не слышала.

— Застолбила! — выкрикнула плосколицая.

Пытаясь не обращать внимания на пронзительные голоса, спорящие о том, можно ли *застолбить* сумочку «Берберри», я направилась к практически безлюдной мужской секции. Запах *новизны* дразнил обоняние, плечо кайфовало, ощущая вес сумки моей последней мечты. Мимоходом я заметила классическую рубашку, которая великолепно смотрелась бы на худющем Мордекае, потом слаксы, которых у него никогда не было.

Сердце мое упало.

Мордекай. Его болезнь — единственная причина этой вылазки. И единственное, о чем я должна мечтать — это о возможности приобрести ему лекарства. Или — о, пустые надежды! — о процедуре его излечения.

Я позволила ремешку соскользнуть с плеча и, не церемонясь, уронила сумку на пол. Женщины мигом набро-

сились на нее, колотя друг дружку, чтобы ухватить раритет первой. Не останавливаясь и не обращая внимания на ошарашенные взгляды безмолвного мужчины, я двинулась к выходу.

Грезить о предметах роскоши бессмысленно. По крайней мере, на данном этапе моей жизни. Как, честно говоря, и на любом другом этапе. Возможно, однажды Мордекай и Дейзи, мои подопечные, все-таки встанут на ноги и будут счастливы, а я придумаю способ зашибать деньгу. Но, надо признаться, у меня, как и у моей матери, есть дурная привычка подбирать заблудших и сырых. Прибыли сие не способствует, но этот мир — яма для каждого, кто ему не принадлежит. Если я могу уберечь хоть одного ребенка от смерти на улицах, я это сделаю, даже если это означает, что мне придется ловчить до конца моих дней.

Мечтать о малом. Вот билет в будущее.

Например, мне всегда хотелось иметь маленький гламурный сотовый телефон, какой есть у всех влиятельных людей — такой, знаете, с навороченным экраном, непрактично-хрупкий. И что же я сделала? Задружилась на моей последней низкооплачиваемой работе с одним придурком, жутко неуклюжим типом. Парень постоянно ронял свой телефон — когда нес всякую чушь или флиртовал некстати. Я дождалась, когда выйдет новейшая модель и, когда этот кретин в очередной раз раскокал свой экран, отпустила несколько комментариев насчет того, какие новые телефоны суперпрочные, не говоря уже об их крутизне.

Через неделю у него был новый телефон. А еще через неделю, когда его сексуальные намеки уже вымотали мне все нервы, он швырнул мне свой не-такой-уж-и-старый телефон с тремя трещинами на экране со словами: «Вот. Можешь забрать этот жалкий кусок дерьма. Он вполне соответствует твоему... образу».

Грех и шоколад

Он, как обычно, насмешничал надо мной, что значительно облегчило сделку. Я, конечно, долго отказывалась от подарка, думая лишь о том, как бы не перестараться, потом остаток дня целовала его задницу — а потом ушла домой с желанным изящным мобильником.

Всю неделю после того, как я получила то, что хотела, я нещадно подкалывала его всякий раз, когда он вел себя как кретин, так что он частенько в бешенстве уносился прочь. Как и требовалось, псевдодружба стремительно сошла на нет, и я вернулась к отсутствию головной боли — приобретя стильный новенький телефон.

Так маленькая мечта превратилась в реальность. И совесть моя осталась чиста, потому что парня все считали законченным козлом. Таким типам только на пользу, если ими время от времени манипулируют.

Шагая вдоль торгового комплекса, по улице, ведущей к магазину, который я, собственно, и намеревалась посетить изначально, я сунула руку в торбу-кошелек, порылась там и достала телефон. На большом экране ярко горели цифры: двенадцать тридцать четыре. Легкомысленная охота за скидками на модную дрянь отняла у меня половину отведенного на обед часа.

А еще мне пришло какое-то сообщение с домашнего номера. Коснувшись экрана, я активировала голосовую почту; глядя, как медленно загружается запись, я шагнула с пешеходной дорожки на редко используемый служебный проезд, тянущийся вдоль магазинов.

Взвизгнули по бетону шины — так, что сердце мое остановилось. Блеснул отсвет на красном капоте, мелькнул вздыбившийся на желтом поле черный жеребец. Какой-то богатырь в крутой тачке несея прямо на меня. Он — или она — конечно, и не подумает останавливаться ради бедной девочки, так что я, похоже, вот-вот стану новым украшением капота.

Глава 2

КИРАН

Эхо скрипучего голоса отца, говорящего, что надо же иметь хоть немного гордости, звучало в голове Кирана, ведущего свой новый «Феррари» через захудалый торговый комплекс, расположенный в омерзительной части города.

В магическом сообществе лишь отщепенцы без чувства собственного достоинства, или преступники, скрывающиеся от магического правительственного органа — *магистрата*, — проводили время в зонах двойного сообщества. Киран не принадлежал ни к тем, ни к другим, но нуждался в прикрытии этого теневого района, чтобы негласно встретиться со своей командой. Только здесь, среди отбросов обоих сообществ, за которыми не следит ни одно из правительств, он мог быть уверен, что никто из отцовских шпионов не наблюдает за ним. Если бы Валенс проведал хоть что-то о планах Кирана, то выбил бы мир из-под ног сына. Да-да, это было в его силах.

Киран мчался вдоль ряда припаркованных машин, направляясь к служебному проезду, который приведет его на зады комплекса, где ждет его Шестерка — тщательно отобранная группа преданных помощников, поклявшихся на крови защищать его до последнего вздоха. Единственные люди на этой планете, которым он безоговорочно доверял.

Грех и шоколад

Поворачивая, он заметил длинноногую женщину, целеустремленно шагающую по обочине. Все ее внимание было поглощено телефоном, который она держала в руке. Женщина добралась до проезда первой и сошла с тротуара, даже не удосужившись поднять взгляд. Очевидно, она ожидала, что все остальные будут ее огибать.

Что ж, придется преподать ей урок об устройстве мира.

Он дотянул до последнего — и только тогда ударил по тормозам. Супертачка с визгом остановилась, бампер застыл буквально в футах от бедер раззявы.

Женщина вздрогнула от неожиданности, всплеснула руками — и упустила телефон, успевший пару раз кувырнуться в воздухе, прежде чем гравитация овладела им.

Киран усмехнулся. Треснувший экран — не слишком серьезное наказание, но, будем надеяться, испуг заставит эту особу в следующий раз быть повнимательнее.

Он ожидал панического взгляда, за которым должно последовать удивление от осознания того, кому ты, дура, причинила неудобства, но женщина лишь стремительно наклонилась, протягивая руки. Телефон отскочил от ее подставленных ладоней, но она, изловчившись, все же поймала его — и принялась баюкать, точно раненого птенца.

Странное очарование на миг вытеснило раздражение. Она отлично сложена, эта женщина; спортивная, с быстрыми рефлексами. Но она проигнорировала очевидную угрозу собственной жизни... ради телефона. Что весьма необычно в заурядной части этого света.

Он нажал кнопку, опуская боковое стекло. Ему сильно хотелось саркастически поздравить женщину с тем, что она совершенно не беспокоится о собственных ногах, зато спасает какую-то дрянную вещицу, заменить кото-

рую проще простого. А еще — внушить ей то, что не смогли внушить визжащие шины.

Но прежде, чем Киран сделал выбор, в машину ворвался соленый океанский бриз, разбередив его чувства. Ощущения и запах напомнили ему о доме. О славных временах, об охоте и рыбалке, о скачках верхом по зеленым полям Ирландии. Но почти сразу тоска, преследующая его столько лет, одержала верх. Тоска — и острая боль потери, напоминающая о смерти матери шесть месяцев назад.

Непрощенные образы заполнили сознание — родное иссохшее лицо, наполненные болью глаза, истаявшее чуть ли не до прозрачности тело.

Она пожертвовала собой ради него. Позволила ему почувствовать себя свободным, жить полной жизнью — а сама страдала, запертая в адской клетке. Той, которая в конце концов убила ее.

Волна вины — жгучей, острой вины — окатила его. Он стиснул зубы.

Нет. Это неправда.

Надо помнить, кто виноват на самом деле. Его отец. Это он, по сути своей, похитил ее, заставил жить вполсилы. Украл ее жизненные силы и, медленно, но верно — само желание жить. Валенс убил ее. Медленно. Болезненно.

Пальцы охваченного яростью Кирана стиснули руль.

Нога чуть отжала тормоз. Если он собьет сейчас эту женщину, это наверняка преподаст ей хороший урок — и, возможно, немного облегчит его жгучий гнев. Он собьет ее — и никто, черт возьми, ничего не сможет с этим сделать. Да, это незаконно, но Полубог выше обвинений. Отец просто отмахнется от инцидента. А не-магическое руководство будет только радо пойти навстречу — из-за

места происшествия. Нога Кирана вновь вдавила в пол тормоз. Ему что, и впрямь хочется иметь дело с последствиями того, что отец узнает, *где он был?*

Именно в этот момент женщина, крепко сжимающая свой телефон, наконец-то подняла глаза.

Чужой яростный взгляд буквально вонзился в него, обжигая, проникая в самое нутро. Все волоски на теле встали дыбом; кожу, мышцы, кости, казалось, сдирали, точно оберточную бумагу, обнажая то, что скрывается в сердцевине, выставляя на обозрение саму душу.

Он никогда не испытывал ничего подобного. Мощь ее магии...

На него обрушилось восхищение. Невероятно, но он чувствовал себя *уязвимым*. Как будто она в любой момент могла вырвать из него жизненную силу и отшвырнуть ее прочь.

Сердце забило чаще, в кровь выбросился адреналин. Киран едва сдерживался, чтобы не скосить глаза вниз, чтобы убедиться, что такой эффект на него произвела ее мощная, *насыщенная* магия, а не какой-нибудь там кол, проткнувший его *физически*.

Однако ощущение исчезло прежде, чем Киран успел пустить в ход свою магию, защищаясь. И на его место пришло новое — поползло по коже, щекоча, охватывая все тело. Утонченное, чувственное, горячее, возбуждающее — такого он тоже не испытывал прежде. Сильное, спокойное, прочное, как сама земля, и старое, как время. Это чувство... оно было лучше, чем секс. Полнее, чем близость. Ему досталась лишь капля, но Киран знал, что ощущение это должно вызывать отчаянное привыкание.

Он прищурился, разглядывая плохо сидящую одежду женщины и ее драные туфли. Нет, ни слишком большая рубашка, ни спортивный бюстгальтер, ни крысиное гнез-

К. Ф. Брин

до вместо прически не могли скрыть сексуальных форм — и красоты лица женщины. Хотя она, очевидно, старалась. Старалась выглядеть жалкой, обыденной — как все обитатели этой облезлой дыры.

Однако, обладая такой сильной и уникальной магией, она должна была пройти обучение еще в детстве. Да, в несчастливый для нее день ее чуть не переехал тот, кто мог оценить уровень ее магии без всяких приборов. Ее маскировка сорвана.

Остается выяснить, что она здесь делает и на кого работает...